

Гражданский форум БРИКС
г. Москва, 23 - 25 сентября
2020 г.

ПОЕЗД В БУДУЩЕЕ: ТРАНЗИТ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

А.И. Неклесса

руководитель Группы «Север-Юг» Центра цивилизационных и региональных исследований
Института Африки РАН, председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам
глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН

Car enfin ce Tiers Monde ignoré, exploité, méprisé
comme le Tiers-État, veut, lui aussi, être quelque chose.
Alfred Sauvy¹

Проявления постмодернизации трудно анализировать с региональных и национальных позиций – это комплексное, интерактивное поле. Миры Севера и Юга сосуществуют на одной планете; футуристичные образы высокотехнологичной и обильной цивилизации, правового, демократичного, рационального уклада перемежаются чересполосицей авторитарных, олигархических систем, трайбалистских или мафиозных сообществ, социопатией городских фавел и житейским минимализмом лагерей беженцев. Моделирование подвижного ансамбля «Север – Юг» связано с определением пропорций пост-современности и постколониальности, модернизации и неоархаизации в универсальном трансформационном процессе: композиция взаимно контаминируемого мироустройства сложнее привычной политической биполярности, идеологически мотивированных утопий или дистопий современности. Постигание причин и

перспектив вселенского переворота требует большего, нежели простое суммирование причудливой феноменологии цивилизационного транзита. События-2020 совокупно продемонстрировали востребованность искусства управления сложными процессами и ориентации в масштабных, «вирусных» и пороговых ситуациях, подтвердив императив обретения соответствующих знаний, мастерства, технологий.²

Ключевые слова: постколониальность, современность, секулярность, постмодерн, цивилизация, история, транзит, прогнозирование, глобализация, индивидуация, ментальность, глобальная трансформация.

¹ «Этот третий мир – игнорируемый, эксплуатируемый, презираемый, подобно третьему сословию, теперь тоже желает стать чем-то». Альфред Сави, 1952.

² Неклесса А.И. 2020. Цивилизационный транзит. Методологические и прогностические аспекты (анализ – прогноз – управление). – Экономическая наука современной России. URL: https://www.inafran.ru/sites/default/files/news_file/nekllessa_doklad.pdf (препринт).

Эволюция истории

История оперирует фактами, футур-история – тенденциями и логикой эволюции. Простые решения нередко поверхностны и плоские, истина же может представлять сумму парадоксов. Мир на протяжении последнего столетия пребывал в сумятице перемен, но, несмотря на острые коллизии, интенсивно интегрировался, осваивался, а индустриальная и рыночная унификация вытесняла и замещала социокультурное разнообразие и своеобразие.

Социальную ситуацию определяет сочетание глобального, регионального, местного и персонального. В течение века демонтаж сословных перегородок, реституция личности, либерализация общественных норм и демократизация политических устоев сопровождались эмансипацией, десегрегацией, деколонизацией, а уже в наши дни все это обернулось возвратной волной культурно-демографической экспансии постколониального мира. Люди в своей исторической устремленности пытаются ослабить природные и социальные тяготы, угнетающие продвижение в будущее, устранить оболочку имперской колониальности в ее различных ипостасях и модификациях, отринуть идеологемы, протоколы, институты, уничижающие индивида, разрушив тиранию культурной, классовой, национальной, расовой сегрегации и подавления.

Сегодня человечество, судя по всему, переживает переворот, проходя своего рода *rite of passage*, реализуя новую формулу социальных координат. Предметное поле постколониальной (постимперской) аналитики обретает универсальные пропорции и очевидным образом не ограничено рассмотрением ситуаций на Черном континенте или даже всей калейдоскопичной реальности Третьего мира.³ Колониальные, имперские метастазы и тоталитарные практики, мимикрируя и мигрируя, обнаруживаются в различных частях света, политических комбинациях, иных сегментах практики. Присутствие как колониальности, так и постколониальности в композиции Постмодерна усложняет декодирование и картографирование транзита, выявляя невидимые до поры препятствия.

Анализ и проектирование в сфере дисциплинарного знания связаны «режимом истины» (Мишель Фуко) и ограничены «окном Овертона» – границами, в которых предложено вести научную дискуссию. Между тем при резком усложнении обсуждаемых предметов возникают проблемы с дисциплинарными уставами и стандартами профессионального рассуждения, предполагая поисковую активность, творческую эмансипацию, интеллектуальный прорыв. Давид Бен Гурион, реализовавший большой национальный проект в сложной и неопределенной исторической ситуации, писал: «Сегодняшний день не похож на вчерашний – вот главное, что надо понять <...> Во всякий миг в мире происходит что-то новое. Все находится в состоянии движения, *panta rei* <...>. Ни в природе, ни в истории, ни в материальном мире, ни в мире духовном, в обществе и государстве ничто не стоит на месте. Рутинa – первый враг государственного деятеля. Надо объявить войну рутине, устарелым шаблонам действия и мысли».⁴

Сумма истории не является сводом летописных констатаций, это процесс социального усложнения, обустройства, эволюции антропологической вселенной. Развитие общества сопряжено с опознанием и осмыслением неизвестного, поворотами

³ Подробнее см.: Неклесса А.И. 2020. Мультиплицированный суверенитет. Постколониальность как фрактальный извод постсовременности. – Африка в условиях формирования полицентричного мира. / Отв. ред. Волков С.Н., Дейч Т.Л. – Институт Африки РАН. Центр изучения российско-африканских отношений и внешней политики стран Африки. Москва (в печати).

⁴ Навон И. 2008. Как принимал решения Давид Бен-Гурион. – Принятие стратегических решений как психологическая проблема. Международный семинар. Москва, 5.09.2007. М.: ЭТЦ. С. 3-10. URL: <http://www.kurginyan.ru/clubs.shtml?cat=57&id=412#navon>.

и переворотами, лабиринтами и развилками в дорожной карте цивилизации, затрудняющими проникновение в иное. Стартовым рубежом последнего раунда вселенской экспансии – глобализации как колонизации планеты, ее культивации и освоения современной цивилизацией, можно считать Берлинскую конференцию 1884-1885 гг., поводом для которой послужили конфликтные обстоятельства, складывавшиеся в Африке. Конференция, однако, определила нечто более существенное – общие регламенты, параметры и методологию разграничения пространств обитаемого мира в соответствии с принципом «эффективной оккупации»...

Планетарная колонизация, а затем деколонизация вкупе с экономическим и социокультурным обустройством мирового сообщества, охватили весь XX век, ставший периодом обширной перестройки человеческого общежития. Переход к новому миропорядку ускорился после своего рода Тридцатилетней войны, развернувшейся в первой половине прошлого столетия. Деконструкция имперских структур, сначала континентальных, а впоследствии морских, уничтожив зональную глобализацию, сформировала на постимперских руинах пестрый конгломерат больших и малых национальных государств, открыв возможность обширной реорганизации *Rex Humanum*. Осваивая горизонты самостийного статуса, страны и народы, получившие политический суверенитет, критикуют историческую ретроспективу и подвергают сомнению предлагаемый Современностью маршрут, внося дополнительную неопределенность в контрапункт глобальной трансформации.

Биполярное мироустройство, возникшее в середине прошлого века, проявились негативным образом, создав возможность альтернативной – деструктивной, глобализации, ставящей под угрозу существование цивилизации. Впервые у человечества появился шанс реализовать рукотворный коллапс антропологической вселенной, отбросив на мир тень произвольного конца истории.⁵

Реестр перемен

На планете в наши дни развиваются два доминантных процесса: *глобализация* и *индивидуация*, сопровождаемые становлением новых и мутацией прежних политических и прочих институтов, производством инновационного технического, технологического, социального инструментария. Реорганизация современного строя, обустройства, преобразования и атакемого с различных позиций, смещает и расширяет исторический горизонт:

- глобализация создает общую оболочку для хозяйственной практики и универсальной коммуникации, а индивидуация части обитателей планеты продуцирует множество анклавов цивилизационного транзита, служащих порталами иной организации универсума, отрицающей его прежнее устройство, генерируя неопределенность в траектории истории;
- территориальная экспансия стран и народов постепенно замещается конкурентной колонизацией и приватизацией амбициозными племенами призрачных, многомерных пространств будущего;

⁵ Вот характерные примеры: (1) 27 октября 1962 года советская подводная лодка «Б-59» (старшие офицеры – Василий Архипов и Валентин Савицкий), имевшая на борту ядерную торпеду и право применить ее в случае прямого нападения, встретила около Кубы с группой кораблей ВМС США. Лодка была обстреляна, а по данным советской стороны, против нее были применены глубинные бомбы. На субмарине между старшими офицерами возник конфликт по поводу необходимости применить ядерное оружие; (2) 28 октября 1962 года критическая ситуация сложилась на ракетной базе США на Окинаве, где был получен ошибочный приказ о применении ядерного оружия. В результате решительных действий капитана Уильяма Бассета ошибочность приказа была установлена, и он был отменен; (3) 26 сентября 1983 года на командном пункте Серпухов-15 системы раннего предупреждения «Око» компьютер сообщил о запуске ракет с американской базы. Оперативный дежурный Станислав Петров, проанализировав обстановку, пришел к выводу, что произошло ложное срабатывание системы.

- цели и ментальность геополитики, связанные с ответственным обладанием земными территориями, политическим и административным их контролем, вытесняются геоэкономикой, ориентированной на организацию хозяйственной и финансовой деятельности в контексте глобального рынка, управление режимом благоприятствования, маршрутами транспортировки и транзакций, использование прав доступа, предпочтений и санкций;⁶
- растет влияние геокультуры, учитывающей удельный вес социокультурного капитала, определяя центры его гравитации, экспортирующие, транслируя на иные языки, принципы и стандарты жизнедеятельности; а также геоантропологии, фиксирующей динамику и траектории антропоток, перераспределяющих население планеты, зоны социокультурных разломов, изменения в картографии человеческих активов, их разнообразии и потенциале;
- углубляется кризис системы международных отношений, мировой бюрократии и связанных с ней институтов; формируется многоуровневая среда сетевых трансграничных связей, включая присутствие влиятельных корпораций, комплексных субъектов и неформальных агентов перемен;
- привычные типы государственности модифицируются, поглощаясь, в конечном счете, обществом, сливаясь с корпорациями, преобразующими современные политические системы, а перемены в понимании суверенности высвобождают скованные прежней эпохой силы и устремления;
- национальная государственность, утрачивая былые основания, позиции, смыслы, предчувствует кризис идентичности и собственную диссипацию (национальные интересы – локальны, информация и финансы – глобальны), испытывает институциональную хаотизацию, пробуждая встречный ветер национализма и сопротивление уходящих в прошлое структур;
- сложные алгоритмы теории, практики, техники ведут к разделению образования, интеллектуальной и корпоративной деятельности на эксклюзивную, частную, и инклюзивную, общественную, с критическими социальными следствиями;
- сфера практики пронизывается вирулентностью генерации людей-предприятий (*menterprisers*), их инновационных, экзотичных, радикальных стартапов; экспериментальными новациями политиков-акционистов: визионеров, реконструкторов и популистов, действующих вне прежнего формата партийности.

Проектирование общего будущего, осложненное конфликтами традиционализма и секулярности, коллизиями Современности и Постсовременности, замещается обилием оригинальных автономных замыслов, порождающих симпатические сопряжения – динамичные ансамбли молекулярных агентов перемен, сопровождаемая деконструкцией прежнего исторического нарратива. Проактивность инструментально оснащенных, слабоформализованных в институциональной системе Современности персонажей, обладающих преадаптационным инстинктом, формирует сообщества с ценностной пересортицей, усложнением контрапункта, изживанием бинарных оппозиций и преодолением ментальных эсхатологических/апокалиптических препон (как «закрывающих технологий»), что еще больше революционизирует ситуацию. Водоворот происходящих и назревающих трансформаций подтачивает опоры цивилизационной платформы Модернити, колеблет ее равновесие и, коррумпируя целостность всей социальной конструкции, подвергает сомнению устойчивость нынешнего глобального консенсуса. Мир в многомерном универсуме рассыпается на суверенные конкурирующие композиции, продвигающие собственные версии

⁶ Неклесса А.И. 2019. Геоэкономическая формула мироустройства. – Мировой порядок - время перемен. Сборник статей. Под ред. А.И. Соловьева, О.В. Гаман-Голутвиной. / Российская ассоциация политической науки. М.: Аспект Пресс. С. 326-341.

подвижного строя, опровергая предписания нормативной культуры и внося правку в современную концепцию человека.

Пересекая умножающиеся «линии горизонта» (Жак Аттали⁷), люди пытаются распознать целеполагание ветвящихся траекторий, однако, «человек никогда не поднимается выше, чем когда не знает, куда идёт» (Кромвель).⁸

Социальная ментальность

Мы обитаем в подвижной реальности. Сюжеты летописания сопровождаются и запечатлеваются кризисами, обретающими со временем символический статус, но мы живем не ради памяти. Будущее (футур-история) – антропологическая категория, связанная с переворотами и развитием, это путь претерпеваемых катастроф и преодолеваемых состояний. Национальная государственность сегодня соревнуется с динамичным миром амбициозных корпораций и трансграничных сообществ, сопрягаясь с акционизмом различным образом мотивированных лидеров и решительных индивидов. Очередная ослепительная утопия вносит в связь времен дополнительный ажиотаж, ускоряя перемены: история беременна новизной.

Основанием культуры является мировидение – концепт бытия, его идеальный образ, смысловой и правовой каркас: сумма ценностей, обеспечивающих идентичность, и законов, удерживающих миропорядок. Культура определяет характер общества, цивилизация – фабулу, удерживая динамический баланс между наличной действительностью и промысленным идеалом. История – последовательность порывов к действию и плацдармов компромисса: синтез усилий ума и напряжения воли, трансмутация собственной природы, модификация социокультурных констелляций, экспериментальная вивисекция хозяйствования и эстафета форм власти. Реальность, время от времени разрушая представления о себе, отрицает текущее редактирование конвенций, требуя не иных трактовок, а смены языка. Будущее мыслится надеждой, но обретается как цивилизационная травма – отход от ставшего привычным метода самоотчуждения, отмирающих корпораций, искаженных институтов, общего истощения среды в пользу иного восприятия бытия. Традиционализм осознал мир как пространство, Современность колонизировала и осваивала время, Постсовременность учит и учится отделять живое от неживого. Это кесарево сечение, исход и устранение безбудущности – эволюционный транзит и путь становления личности.

Будущее – несуществующая, но подтверждаемая бытием субстанция, иное состояние мира. Утверждается оно не конфликтами культур-систем – процессом, чреватый скорее обрушением в прошлое, а появляется и проявляется в «своих напевах»: их сопряжении с деятельно постигаемой сутью, геномом истории, ее промысленным целеполаганием. Борьба за будущее, иную землю, иное небо, стимулирует протагонистов декодировать криптографию историософских замыслов («конспектов будущего»), изыскивая преимущества, если таковые имеются, в ментальном и культурном своеобразии, устраняя явные и скрытые изъяны, демонтируя обанкротившиеся конструкции и реализуя эволюционную синергию. Но продвижение в будущее – не только ажурная вязь вбираемых в плоть истории оригинальных проектов, слияние притоков мысли и протоков самоорганизации, апробация версий соперничества и козволюции. Это также сценография личности, погруженной в перманентно преобразуемый сюжет: преодоление сложившейся социальной ментальности, внутренних противоречий и персональная трансформация.

Двусмысленное достояние века – инициативы, формулируемые и воплощаемые поколением, идущим сквозь горнило транзита: не пленников, но наследников культур и народов, решившихся на деконструкцию привычного строя, проживая утрату

⁷ Attali J. 1991. Millennium: Winners and Losers in the Coming World Order. NY: Random House.

⁸ Подробнее см.: Неклесса А.И. 2018. Кризис истории. Мир как незавершенный проект. – Полис. Политические исследования. № 1. С. 80-95. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.06>.

определенности и преодолевая барьеры повседневности. Синкретичная социальность либо вытесняется логикой развития, либо, пользуясь вселенским переполюсом, пытается обернуть поток перемен вспять, вернув власть над утраченной судьбой. Симптоматика разложения Модернити проявляется в нищете свойственных ее природе идеологий, конфессиональных метаниях и навязчивой суггестии «культуры смерти», способной по-своему распорядиться инструментарием, созданным цивилизацией.⁹ Сумма разнонаправленных трансгрессий осложняется процессами неoarхаизации и сполухами деструкции – прямым отрицанием футур-истории, растапливая инкапсулированных в плотных слоях прошлого гекатонхейров – ограниченные объемом и формой древние стихии, замороженные Современностью, но сжигаемые внутренним огнем хаоса.

Когнитивные перемены аранжируют практику, предопределяя смену исторических декораций. В свое время сомнения парижского епископата (Этьен Тампье) в способности человеческого ума познавать при помощи аристотелевой логики суть бытия заложили фундамент новоевропейской науки.¹⁰ Политические зигзаги и перевороты также предваряются революцией сознания: трансформацией ментальности, продуцирующей и редактирующей карты мира, стили практики, методы познания, изменяя цели общества и образ жизни. Сама секулярность – этот родовой признак современности, возникает в истории как проекция иудео-христианской концепции бытия и соответствующая данным идеалам социальная реорганизационная процедура.¹¹ Признание естественности высокого достоинства человека, наделенного Творцом неотчуждаемыми правами, «к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью»¹² (Томас Джефферсон), его способности к выбору, самосозиданию и обновлению, обусловило кардинальную реформу институтов и модификацию истории, ее переосмысление, перемолов многие архаичные препоны, воплощаясь в личной ответственности, самоопределении нации, политических правах.

⁹ Неклесса А.И. 2006. Культура смерти. Азия и Африка сегодня. № 2 (583). С. 3-11.

¹⁰ Взамен был предложен иной критерий: проверка истинности утверждений «книгой природы», суверенной по отношению к человеческой логике, будучи сотворенной нечеловеческим разумом и отражающей совершенно иной уровень сложности. Решение подвергать подобному испытанию человеческую ментальность означало введение в исследовательский процесс свободного от игр разума арбитра – эксперимента. Открытие запечатленных в естестве смыслов, отражающих отличную от человеческой логику, ее постижение и усвоение, оказывается возможным в результате исследования независимых от сознания объектов, испытания нечеловеческих тайн природы. Знание, таким образом, разделилось на науку, имеющую дело с предметностью, которая существует объективно, т.е. независимо от мнения о ней людей (гипотез), но которую можно подвергнуть изучению различными объективными методами. И дисциплинированные по определенным правилам рассуждения – социальные и гуманитарные дисциплины, исследующие предметность, создаваемую людьми, отражая их изменчивые деяния и подвижную ментальность, рассекая химеры, редуцируя фантазии, удерживая обретения и восполняя, таким образом, динамичную, полифоничную истинность. Гуманитарное знание – авторские путеводные нити для познания человеческого естества, рецептуры меняющихся взаимоотношений на путях исхода из лабиринта ментального синкретиза. Они практичны, рациональны, избыточны, здесь нет постоянных законов, но обнаруживаются закономерности (теоремы), обоснованные консенсусом когнитивной аксиоматики, философским дискурсом и этическим кодексом эпохи. Это язык гармоник, признанных констатаций, корпоративных договоренностей. Опознанные и осознанные концепты вопрошаемы, дискурсивны, протокол носит временный характер, он иницируется, утверждается, пересматривается, опровергается в перманентном поиске иных объяснений и переписывания рецептов. Аналог процесса – судебное заседание и его вердикт (выносимый большинством заседателей), допускающий, однако, подачу апелляций и кассацию. У знания здесь прикладной статус – это свободные искусства от произвольной практики.

¹¹ Кокс Х. 1995. Мирской град: Секуляризация и урбанизация в теологическом аспекте. М.: «Восточная литература» РАН. 263 с.

¹² Declaration of Independence: A Transcription. URL: <https://www.archives.gov/founding-docs/declaration-transcript>.

Совершалось «расколдовывание мира» (Макс Вебер¹³), сопровождаемое деконструкцией религиозного традиционализма и «дефатализацией истории» (Поль Рикёр¹⁴). Процесс декларируется как преодоление «совершеннолетним человеком» в «повзрослевшем мире» (Дитрих Бонхёффер¹⁵) мифологических отождествлений и патриархальных подчинений, «самоосвобождение от пут, привязывающих к прошлому, природе, клану, идолам» (Эрих Фромм¹⁶). Утверждаются постулаты интеллектуальной и экзистенциальной самоидентификации, веротерпимости, толерантности, рациональности как освобождения ума от пут стереотипов и тирании суеверий, а человека от безнадежности и диктата «вечного возвращения». Общество и личность обретают право на суверенитет, отделяя приватное и социальное от тотальности традиционализма и бытийного синкретизиса, отражая атаки деструктивного хаоса и продуцируя алгоритмы автономного, сложного поведения.

Поезд истории

Установления, порожденные христианской вестью, со временем выходят за пределы религиозной оболочки, и, абсорбируясь обществом, своей новаторской сущностью изменяют мир. Секулярность – кризисное управление социумом, застрявшим в переходах и закоулках исторического лабиринта; она предполагает рациональность при рассмотрении проблем земного быта, не отвергая метафизические интерпретации бытия, обеспечив критическое отношение к феноменологии мироустройства и трезвое к флуктуациям сознания. Подобно новоевропейской науке секулярное мышление определяет пределы собственных компетенций и, отделяя долнее от горнего, стимулирует конструктивную рефлексия, удерживая при этом память о предназначении, растворяя, распространяя ее в конфессиональном, философском осмыслении, художественном обрамлении, культурном коде, пронизывающих людскую повседневность.

Пребывая в процессе великой работы, преодолевая стойкость прежнего мира, мы, желая или не желая того, ютимся на пороге грандиозной экспериментальной мастерской. Продолжающийся поиск истины, соединяясь с житейским опытом, разрушает многие унаследованные трюизмы и влияет на стереотипы поведения. Метафизические концепты, подвергаясь испытаниям в нелицеприятных обстоятельствах и подвижнических противостояниях, осмысленные и переосмысленные, познав небесные горизонты, горнило жизни и дрожь земли, претерпевают ревизию. А затем вновь воздействуют на мир. Теология, редактируемая в тени обретенного за последний век знания, обнажает сколотые временем, острые, асимметричные грани. Возникают атакующие мир концепции «безрелигиозного христианства» (Дитрих Бонхёффер¹⁷), «политического богословия» (Йоханнес Метц¹⁸), «нетеистического теизма» (Доротея Зёлле¹⁹)...

Энтузиазм приближения к зыскому, но различным образом прочитываемому и толкуемому идеалу, исторически присутствует в секулярном обществе, интегрируя метафизику с эскизами утопий, обретающих идеологическое содержание и политическую плоть. К концу XVIII века у европейского третьего сословия уже была

¹³ Вебер М. 1990. Протестантская этика и дух капитализма. – Избранные произведения. М., Прогресс. С. 44– 271.

¹⁴ Рикёр П. 2002. История и истина. СПб: Алетейя. 400 с.

¹⁵ Бонхёффер Д. 1994. Соппротивление и покорность М.: Прогресс. 344 с.

¹⁶ Фромм Э. Библийская концепция человека. URL: <https://unotices.com/book.php?id=85772>.

¹⁷ Антропов В.В. 2005. Этика и религия в «Безрелигиозном христианстве» Дитриха Бонхёффера. Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. № 6. С. 58-124.

¹⁸ Metz J. 1998. A Passion for God: The Mystical-Political Dimension of Christianity. Paulist Press. 212 p.

¹⁹ Sölle D. 1995. Theology for Skeptics: Reflections on God. Augsburg Fortress Publishing. 126 p.

программа продвижения к образам свободы, равенства, братства – модель властного обустройства быта и бытия с миллениаристскими обертонами и эгалитарными мотивами, обеспечив наряду с прочими новациями секуляризацию утопии – прорыв к концепции прогресса и гражданскому обществу. Однако был и 93-ий год, скверные подробности которого обнаруживаются практически в любом идеологическом проекте, когда сумма лозунгов и ритуалов превращается в конъюнктурный эрзац – удобный камуфляж для власти политических инженеров и бездушной механики этатизма.

В анналах истории много жестокого, преступного, морально неприемлемого, также и на теле современной цивилизации немало шрамов тоталитаризма, расизма, разноплеменной оккупации и разноликой колониальности. На путях, вымощенных благами/неблагами намерениями, пролагались индустриальные рельсы, эксперименты истории по освоению культуры электрошока понуждают политически корректировать механизмы исторического нарратива, протестуя против террора престолов и властей, повергающих человека и его достоинство в рабское, скотское состояние.²⁰ Помимо этатистских симулякров интернациональной и национальной социалистической идеи в список попадает многое другое. Это не только травмы памяти как ГУЛАГ и Освенцим, Холокост и Голодомор, преследование «врагов народа», «унтерменшей», диссидентов, клетки с африканцами и другими народностями в зоопарках Европы, но также актуальные формы деспотичных иерархий унижения и подавления: гендерные регуляции, маргинализация физических и когнитивных особенностей, «офисное рабство» и т.д. Списки изгоев нормальности, катастроф человечности заметно длиннее, а проблематика шире черно-белой оппозиции. Перечень включает также недавнюю попытку построения «Исламского государства» (*запрещенная в России организация – ред.*), заморозившую не только обездоленных различными обстоятельствами мусульман третьего мира, но и часть сторонников прямого действия, европейски образованных людей.²¹

Постколониальность – устремленность к миру, в котором нет метрополии, нет доминирования ни политического, ни персонального, но есть личный героизм, терроризм и бесконтрольность вольноотпущенника. При этом для значительной части населения планеты ни собственная, ни чужая жизнь не представляется безусловной ценностью, многое решает наличие или отсутствие морального императива. Патриотизм в трансграничной вселенной воспринимается как некое подобие расизма (e.g. дискриминация эмигрантов легальных и нелегальных), т.е. как историческая близорукость, предполагая аналогию с участью трайбализма/сельской общины в эпоху Модернити. В былые времена современность, преодолевая традиционализм, прорастала сквозь его трещины, рвы и стены. Подобным же образом сложный мир Постмодерна опровергает Современность – это иной, мультиплицированный демиург, другая, пугающая откровенность и персонализированная форма взаимоотношений.²²

²⁰ Интересен исторический опыт Подпольного Польского государства (ППГ), эффективно действовавшего в годы нацистской оккупации. «Делегатура правительства на Родине» сумела привить обществу существенные элементы структурированной гражданской организации, соединив автономную от оккупационных властей социальную самоорганизацию с параллельной властной ее организацией, создав при этом деятельные формы специфического противостояния оккупационному режиму.

²¹ Подробнее см.: Неклесса А.Н. 2018. «Исламское государство» как феномен государства-организации. От государства-утопии к постсовременному акционизму. – ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия. Специальный выпуск. С. 12-24. URL: http://www.intelpro.ru/pdf/bknp/3_Privatizaziya_budushzego_2018_w_cover.pdf.

²² Контур иной, не территориально-пространственной картографии человеческой вселенной, прослеживается в распределенных по планете множествах идеологических и конфессиональных сообществ, чье мировидение отражено в сентенции: «Для нас всякая чужбина – отечество и всякое отечество – чужбина» (предположительно Иустин Мученик «Письма к Диогету», II в.). Или в персоналистичной философии «кембриджских апостолов»: «Если надо выбирать между предательством по отношению к моей стране и предательством к

Авторитарные, олигархические, идеократические режимы, нетерпимые к носителям перемен, равно как останавливающая, заблачивающая течение времени тирания масс, разлагают и коррумпируют актуальные и потенциальные элиты, искажая историческую перспективу, разрушая на переправах мосты развития.²³ Тектоника глобальной трансформации, конфликты власти и вольности, ярости и чувства справедливости, порой корректируемые милосердием, проявляются по-разному в различных ситуациях, обществах, регионах.²⁴ Сегодня движение «Жизни черных имеют значение» (BLM), связанное отчасти с постколониальным синдромом, порождает новое поле битвы, создает очередной плацдарм атаки, демонстрируя реминисценции и червоточины из обширного арсенала механической солидарности, активируя трайбализм в обремененных массами анклавах. У движения есть декларируемая цель из реестра новой этики – уничтожить любые формы стигматизации париев, сделать обыденностью право на уверенность и право на слабость, устранив дефицит человечности, намеренные и ненамеренно ранящие ситуации, стимулируя взаимную эмпатию (ср. с постулатами и южноафриканским опытом политизации *убунту*). Людей, облучаемых сияющими иллюзиями, транслируемыми в их нелюбимую повседневность, наряду с расовой, племенной, идеологической, конфессиональной нетерпимостью, инверсиями и диверсиями неоархаизации, преследует извечная греза – мечта о мире без тиранов и рабов, об эффективном равенстве и торжестве иного мироустройства: обыденного сосуществования с другими, при обоюдном, универсальном очеловечивании (Ис. 11:6-9; 65:25).

Проблема между тем вскрывается и корректируется посредством периодических конфронтаций, пути ее разрешения видятся в экспансии рамочного контроля²⁵, однако

моему другу, то, надеюсь, что у меня хватит смелости предать свою страну» (Э.М. Форстер «Во что я верю», 1938). Речь, однако, идет не столько о конкретной религиозной, идеологической или социокультурной идентичности и стратификации («домены симпатий»), сколько об их инварианте: универсальном политическом агрегаторе, интегрирующем личностное противостояние земным обобщениям и персонально мотивированный отказ от императива национально-территориальной самоидентификации в пользу культурных и антропологических сопряжений, утверждая приоритет внутренних обстоятельств над внешними и формируя доминанту иного мироустройства.

²³ «...<культура смерти> распространяется под действием мощных культурных, экономических и политических тенденций, отражающих определенную концепцию общества, где важнейшим критерием является успех. Рассматривая положение дел с этой точки зрения, можно, собственно говоря, назвать его войной сильных против бессильных; жизнь, требующая как можно больше доброты, любви и заботы, объявляется ненужной или рассматривается как невыносимое бремя и в конце концов, так или иначе, отвергается. Тот, кто своей болезнью, инвалидностью или просто фактом своего существования угрожает благоденствию либо жизненным привычкам более благополучных, оказывается врагом, от которого надо защищаться или которого надо уничтожать. Таким образом, возникает "заговор против жизни". Он не только втягивает отдельных людей в рамках их личных, семейных и общественных отношений, но идет гораздо дальше, обретает глобальный размах, расшатывая и разрушая отношения между народами и государствами». Подробнее см.: Иоанн Павел II. 1997. *Evangelium Vitae*. Окружное послание о ценности и нерушимости человеческой жизни. Париж-Москва: Русская мысль – МИК.

²⁴ Подробнее см.: Неклесса А.И. 2019. Мускулы войны и нервы мира: гибридная метаморфоза. Методологические и прогностические аспекты постсовременного общежития. – Полис. Политические исследования. № 4. С. 149-164. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.11>.

²⁵ Так, с 2024 года претендентам на премию Оскар в номинации «Лучший фильм» необходимо выполнять 2 из 4-х условий (А, В, С, D): (А) соответствие 1-му из 3-х критериев: (1) главный / второстепенный герой из недопредставленной этнической группы; (2) не менее 30% актеров из 2-х групп: женщины, ЛГБТК+, люди с инвалидностью, люди с когнитивными нарушениями и этнические, расовые группы; (3) тема фильма связана с данными группами; (В) необходимо выполнить 1 из 3-х условий: (1) присутствие на креативных топ-должностях кинокомпании от 2-х членов описанных выше групп и одного – из этнической или расовой групп; (2) 6 других членов команды и технических должностей из недопредставленных групп; (3) по крайней мере 30% съемочной группы должны принадлежать к недопредставленным группам; (С) здесь

солидарная алхимия двусмысленна, а наступательная мобилизация влечет умножение лозунгов и рестрикций, выстраивая каскад обвинений и формируя комплекс жертвы. Стоимость жизни, равно как границы и горизонты утопий подвижны, социальная ответственность снижается, права и возможности государства на прямое насилие сужаются, разум бурлит, градус возмущения растет: «Я таков, какой есть, и не хочу, не могу стать иным; ваше сочувствие – лицемерная подачка, отвернувшись, вы возвращаетесь в оскорбительный для меня чуждый и притягательный мир, так покоритесь или просто сдохните! Вас становится меньше, а мы – растущая солидарность, ваш мир рано или поздно будет уничтожен, мы же заселим и унаследуем землю».

Происходящее – длинный счет разного толка людей и сообществ к Современности, просто социальная ткань прорвалась сегодня именно здесь – в болевой точке американского национального консенсуса, но мировой резонирующий контекст и шире, и глубже этой периодически возникавшей проблемы. Актуальны испытываемые и властью, и обществом оторопь, смысловая растерянность в ходе деконструкции и реконфигурации былых обобщений, упрощений и разделений – манифестаций персонального суверенитета и высвобождения антропологических корпораций, прежде стиснутых обручами государственности. Вырвавшаяся энергия пребывает в поисках новых резонаторов: подтверждения и эскалации земного результата как нового плацдарма для следующей атаки. Суть происходящего все же не в грабежах и насилии, что ярко, зримо и на слуху, грязная пена социального цунами преследует всякий переворот, освобождая неконтролируемые страсти и порой наследует измененный ландшафт, обращая эскизы утопий в дистопический пейзаж. Совершающийся транзит – сбой прежнего и коррекция нового маршрутизатора. Тут ощутима не столько социальная фрустрация и ненависть рожденных в убожестве к живущим в роскоши (модель в одной из систем координат), но экзистенциальное отчаяние, проклятие состояния, которое невозможно изменить. Происходит переоценка нравственных аксиом, мятеж *других* («чужих») против тягот и асимметрий, ограничений и отторжений, органичных для современного мира.

Атакуются не только локальные нестроения и режимы, но весь глобальный социальный организм – репрессивная к миноритарным акционерам общая система («дерзость вознесется»), непреодолимая обычным порядком. Потому и сокрушаются в первую очередь модели поведения (Роза Паркс, отказавшаяся уступить место в автобусе белому) либо символы угнетения (от памятников героям конфедерации и работаргументам до знаменитого восточно-европейского и постсоветского «ленинопада»). И не только.

Крах земных империй, ветхость авторитарных уродств предполагают крушение ментального империализма. Протест из сферы материальных претензий сдвигается в экзистенциальную плоскость, отрицая как супремасизм привычные практики Современности, высвобождая стихии и производя переоценку жизни. В оптике симпатизантов конфликт с репрессивной обыденностью преломляется в замысел вселенской деколонизальности: революции антиконформизма, персонализма, достоинства – скалярную траекторию опознанных, но не осознанных в полноте метаморфоз. То есть это универсальный и многослойный бунт.²⁶

обязательны оба условия: (1) возможность платного обучения, стажировки и возможности для обучения, развития навыков команды; (2) квоты недопредставленным, этническим, расовым группам; (D) единственный критерий: несколько штатных руководителей высшего звена киностудии в отделах маркетинга, рекламы и/или распространения должны быть из недопредставленных групп.

²⁶ Подробнее см.: Неклесса А.И. 2018. Кризис истории. Мир как незавершенный проект. – Полис. Политические исследования. № 1. С. 80-95. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.06>.

Alexander Neklessa. Flight to Future: The Transit of Modern Civilization. Report for Civil Forum BRICS. 23 – 25 September 2020. – Moscow: INTELROS – Intellectual Russia. Autumn 2020.

Alexander Neklessa. Chair of the Commission on Socio-Cultural Issues of Globalization, member of the Bureau of the Academic Council "History of the World Culture" at the Presidium of the Russian Academy of Sciences, Head of the "North-South" Group at the Center for Civilizational and Regional Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences 30/1 Spiridonovka St., 123001 Moscow, Russia. Email: neklessa@intelros.ru

Abstract: The manifestations of postmodernization are difficult to analyze from regional and national positions – it is a complex, interactive phenomena. The modeling of the dynamic ensemble "North-South" depends on definition of proportions of postmodernity and post-colonialism in this universal transformational process: the composition of mutually-contaminant world order is more complicated than the usual political bipolarity. The worlds of North and South coexist on the same planet; futuristic images of high-tech civilization, democratic, rational way of living are interspersed with authoritarian systems, mafia communities, favelas, refugee camps. Postmodernity, denying the former world order, reproduces the semblance of a post-colonial situation, which allows us to turn to the experience of countries that have gained political sovereignty and mastered their new status in its various versions.

Keywords: modernity, secularism, postmodernity, postcolonilism, civilization, history, transit, foresight, globalization, individualization, mentality, global transformation.

Литература

1. Антропов В. В. 2005. Этика и религия в «Безрелигиозном христианстве» Дитриха Бонхёффера. Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. № 6. С. 58-124.
2. Бонхёффер Д. 1994. Сопротивление и покорность М.: Прогресс. 344 с.
3. Вебер М. 1990. Протестантская этика и дух капитализма. – Избранные произведения. М., Прогресс. С. 44– 271.
4. Иоанн Павел II. 1997. *Evangelium Vitae*. Окружное послание о ценности и нерушимости человеческой жизни. – Париж-Москва: Русская мысль – МИК.
5. Иустин Философ и мученик. 1995. Послание к Диогнету. – Творения. М.: «Паломник», С. 371-384. URL: <http://krotov.info/acts/02/03/diognetu.html>
6. Кокс Х. 1995. Мирской град: Секуляризация и урбанизация в теологическом аспекте. М.: «Восточная литература» РАН. 263 с.
7. Навон И. 2008. Как принимал решения Давид Бен-Гурион. – Принятие стратегических решений как психологическая проблема. Международный семинар. Москва, 5.09.2007. М.: ЭТЦ. С. 3-10. URL: <http://www.kurginyan.ru/clubs.shtml?cat=57&id=412#navon>
8. Неклесса А. И. 2006. Культура смерти. Азия и Африка сегодня. № 2. С. 3-11.
9. Неклесса А. И. 2018а. «Исламское государство» как феномен государства-организации. От государства-утопии к постсовременному акционизму. – ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия. Специальный выпуск. С. 12-24. URL: http://www.intelros.ru/pdf/bknp/3_Privatizaziya_budushzego_2018_w_cover.pdf
10. Неклесса А. И. 2018b. Кризис истории. Мир как незавершенный проект. – Полис. Политические исследования. № 1. С. 80-95. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.06>
11. Неклесса А. И. 2019а. Геоэкономическая формула мироустройства. – Мировой порядок - время перемен. Сборник статей. Под ред. А.И. Соловьева, О.В. Гаман-Голутвиной. / Российская ассоциация политической науки. М.: Аспект Пресс. С. 326-341. URL: <http://www.combook.ru/product/11951619/>
12. Неклесса А. И. 2019b. Мускулы войны и нервы мира: гибридная метаморфоза. Методологические и прогностические аспекты постсовременного общежития. – Полис. Политические исследования. № 4. С. 149-164. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.11>
13. Неклесса А. И. 2020а. Мультиплицированный суверенитет. Постколониальность как фрактальный извод постсовременности. – Африка в условиях формирования полицентричного мира. / Отв. ред. Волков С.Н., Дейч Т.Л. – Центр изучения российско-африканских отношений и внешней политики стран Африки. М.: Институт Африки РАН. (в печати)
14. Неклесса А. И. 2020b. Цивилизационный транзит. Методологические и прогностические аспекты (анализ – прогноз – управление). – Экономическая наука современной России. URL: https://www.inafran.ru/sites/default/files/news_file/neklessa_doklad.pdf (препринт).

15. Рикёр П. 2002. История и истина. СПб: Алетея. 400 с.
16. Форстер Э. 1938. Во что я верю. URL: <http://spichtinger.net/otexts/believe.html>
17. Фромм Э. 2007. Библейская концепция человека. URL: <https://unotices.com/book.php?id=85772>
18. Attali J. 1991. Millennium: Winners and Losers in the Coming World Order. New York: Random House. 132 p.
19. Metz J. 1998. A Passion for God: The Mystical-Political Dimension of Christianity. Paulist Press. 212 p.
20. Sölle D. 1995. Theology for Skeptics: Reflections on God. Augsburg Fortress Publishing. 126 p.

References:

1. Antropov V. V. 2005. Jetika i religija v «Bezreligioznom hristianstve» Diritiha Bonhjofera. Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 7. Filosofija. № 6. Pp. 58-124. (in Russian).
2. Attali J. 1991. Millennium: Winners and Losers in the Coming World Order. New York: Random House. 132 p.
3. Bonhoeffer D. 1994. Soprotivlenie i pokornost' Moscow: Progress. 344 p. (in Russian).
4. Cox H. 1995. Mirskoj grad: Sekularizacija i urbanizacija v teologicheskom aspekte. Moscow: Vostochnaja literatura. 263 p. (in Russian).
5. Forster Ed. 1938. Vo chto ja verju. URL: <http://spichtinger.net/otexts/believe.html> (in Russian).
6. Fromm E. 2007. Biblejskaja koncepcija cheloveka. URL: <https://unotices.com/book.php?id=85772> (in Russian).
7. Ioannes Paulus II. 1997. Evangelium Vitae. Okruzhnoe poslanie o cennosti i nerushimosti chelovecheskoj zhizni. Paris – Moscow: Russkaja mysl' – MIK. (in Russian).
8. Iustin Filosof i muchenik. 1995. Poslanie k Diognetu. – Tvorenija. M.: «Palomnik». Pp. 371-384. URL: <http://krotov.info/acts/02/03/diognetu.html> (in Russian).
9. Metz J. 1998. A Passion for God: The Mystical-Political Dimension of Christianity. Paulist Press. 212 p.
10. Navon I. 2008. Kak prinimal reshenija David Ben-Gurion. – Prinjatje strategicheskikh reshenij kak psihologicheskaja problema. Mezhdunarodnyj seminar. Moskva, 5.09.2007. Moscow: ETC. P. 3–10. URL: <http://www.kurginyan.ru/clubs.shtml?cat=57&id=412#navon> (in Russian).
11. Neklessa A. I. 2006. Kul'tura smerti. Azija i Afrika segodnja. № 2. Pp. 3-11. (in Russian).
12. Neklessa A. I. 2018a. «Islamskoe gosudarstvo» kak fenomen gosudarstva-organizacii. Ot gosudarstva-utopii k postsovremennomu akcionizmu. – INTELROS – Intellectual Russia. Special'nyj vypusk. Pp. 12-24. URL: http://www.intelros.ru/pdf/bknp/3_Privatizaziya_budushzego_2018_w_cover.pdf (in Russian)
13. Neklessa A. I. 2018b. Krizis istorii. Mir kak nezavershennyj proekt. – Polis. Politicheskie issledovanija. № 1. S. 80-95. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.06> (in Russian).
14. Neklessa A. I. 2019a. Geojekonomicheskaja formula miroustrojstva. – Mirovoj porjadok - vremja peremen. Sbornik statej. Pod red. A.I. Solov'eva, O.V. Gaman-Golutvinoj. / Rossijskaja asociacija politicheskoy nauki. Moscow: Aspekt Press. P. 326-341. URL: <http://www.combook.ru/product/11951619/> (in Russian).
15. Neklessa A. I. 2019b. Muskuly vojny i nervy mira: gibridnaja metamorfoza. Metodologicheskie i prognosticheskie aspekty postsovremennogo obshhezhitja. – Polis. Politicheskie issledovanija. № 4. S. 149-164. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.11> (in Russian).
16. Neklessa A. I. 2020a. Mul'tiplicirovannyj suverenitet. Postkolonial'nost' kak fraktal'nyj izvod postsovremennosti. – Afrika v uslovijah formirovanija policentrichnogo mira. / Ed.: Volkov S.N., Dejch T.L. – Center izuchenija rossijsko-afrikanskih otnoshenij i vneshnej politiki stran Afriki. – Moscow: Institute for African Studies RAS. (in Russian). /In print/.
17. Neklessa A. I. 2020b. Civilizacionnyj tranzit. Metodologicheskie i prognosticheskie aspekty (analiz – prognoz – upravlenie). – Jekonomicheskaja nauka sovremennoj Rossii. URL: https://www.inafran.ru/sites/default/files/news_file/neklessa_doklad.pdf (preprint). (in Russian).
18. Ricœur P. 2002. Istorija i istina. SPb: Aleteja. 400 p. (in Russian).
19. Sölle D. 1995. Theology for Skeptics: Reflections on God. Augsburg Fortress Publishing. 126 p.
20. Weber M. 1990. Protestantskaja jetika i duh kapitalizma. – Izbrannye proizvedenija. Moscow: Progress. Pp. 44–271. (in Russian).